
Иэн Макгуайр
Переправа через Белую реку
Холод убивает тело,
а жажда наживы — душу

Сага (Азбука-Аттикус)

Иэн Макгуайр

Переправа через Белую реку

«Азбука»
2026

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Макгуайр И.

Переправа через Белую реку / И. Макгуайр — «Азбука», 2026 — (Сага (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-35575-0

1766 год. В Форте Принца Уэльского, британском торговом форпосте, расположенном на севере Канады, идет прибыльная торговля с индейцами – шкуры в обмен на порох, табак и бренди. Но когда бродячий торговец приносит начальнику фактории Магнусу Нортону обломок породы с вкраплением золота, тот понимает: вот он, его шанс разбогатеть по-настоящему. На поиски сокровищ в тундру снаряжается отряд из семи человек: трое англичан и в качестве проводников – семья из коренного народа дене. Казалось бы, необходимость существовать вместе в суровых условиях должна сплотить участников похода, но они оказываются слишком разобщены и сосредоточены на личных интересах. А затем наступает суровая арктическая зима, и каждому приходится делать собственный выбор. Из экспедиции вернутся далеко не все, но и те, кому удастся выжить, станут другими людьми.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-35575-0

© Макгуайр И., 2026
© Азбука, 2026

Содержание

Предисловие 6
Часть первая 8
Глава 1 9
Глава 2 15
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Иэн Макгуайр
Переправа через Белую реку

Посвящается Абигейл Фейт Кристенсон
(1968–2022)

Серия «Сага»

Ian McGuire
White River Crossing
Copyright © Ian McGuire, 2026
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству Andrew Nurnberg Literary Agency за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Павла Смирнова

© П. А. Смирнов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Иностранка®

Предисловие

«Переправа через Белую реку» – художественное произведение, и все персонажи и события в нем вымышленные, но Форт Принца Уэльского, торговая фактория «Компании Гудзонова залива», где начинается и заканчивается действие романа, – реально существующее место в северной части нынешней провинции Манитоба. Местоположение форта в устье реки Черчилл – в таежной зоне, но вблизи бескрайней тундры, которая называется по-английски «Бесплодные Земли», – было выбрано в 1717 году специально, чтобы владевшие им британцы могли установить выгодные торговые отношения с тремя разными группами коренного населения: народом кри, который они называли «южными индейцами», народом дене, или «северными индейцами», и народом инуитов, или «эскимосами». Давно сложившиеся отношения между этими тремя разными группами племен, каждая с собственным языком и культурой, и более новые отношения между этими группами и британцами крайне важны для понимания того, какой была жизнь на западном побережье Гудзонова залива в середине и конце XVIII века. Но, поскольку коренные культуры в то время не имели письменности, единственный письменный источник того времени об этих взаимоотношениях – документы, составленные работниками «Компании Гудзонова залива». Губернаторы основных факторий компании, включая Форт Принца Уэльского, были обязаны вести подробные ежедневные отчеты о своей деятельности, которые, наряду с их повседневной перепиской, бухгалтерскими книгами и прочими документами, теперь доступны для чтения в сети и в архиве «Компании Гудзонова залива», находящемся в центре Виннипега. Некоторые из этих губернаторов также оставили после себя книги и доклады, в которых, чтобы удовлетворить любопытство жителей метрополии, описывали, помимо прочего, флору и фауну этих земель, внешность и обычаи их коренных обитателей и разные практические особенности торговли пушниной.

При написании «Переправы через Белую реку» я широко использовал эти бесценные первичные источники, но также обращался и к работам историков, антропологов и археологов, которые, осознавая односторонний характер письменных источников, нередко стремятся дополнять эту информацию другими знаниями, полученными при непосредственном контакте с коренным населением. Учитывая общий колониальный контекст торговли пушниной в Канаде, наверное, не стоит удивляться, что четыре группы людей, пересекавшихся в Форте Принца Уэльского, зачастую расходились во взглядах на события, и современные исследователи стараются вдумчиво выявлять эти расхождения и учитывать их. Рассказ Сэмюэла Хирна о так называемой «резне у Кровавого водопада» в книге 1795 года «Путешествие к Северному океану», пожалуй, можно считать самым ярким примером такой оспариваемой истории. Хирн, работник «Компании Гудзонова залива», отправленный пешком на поиски залежей меди и признаков существования Северо-Западного прохода, описывает, как мужчины народа чипевайан, сопровождавшие его в путешествии, внезапно напали на инуитов, а ему оставалось лишь беспомощно и потрясенно наблюдать за происходившим. Канадские историки и литературные критики десятилетиями спорят о надежности свидетельства Хирна. Одни видят в нем сочувственного свидетеля жестоких событий, другие – апологета колониализма, в неявной форме оправдывающего захват земель и ресурсов коренного населения. Споры временами становятся жаркими, и, вероятно, окончательно разрешить их невозможно, но обычно они напоминают нам о более значительных и до сих пор не прекращающихся дискуссиях о взаимосвязи между научными данными, мемуарами и идеологией колониализма.

Хотя источники, к которым я обращался, и порожденные ими споры важны и занимательны, «Переправа через Белую реку» остается романом, а не историческим или антропологическим трудом. Хилари Мантел в «Рейтовских лекциях» 2017 года отметила: «…выбирая исторический роман, ты берешь в скобки исторические свидетельства – которые могут согла-

совываться или не согласовываться между собой – и хочешь получить субъективную трактовку. Ты покупаешь не копию и даже не фотографически точную репродукцию, но картину с четко различимыми мазками кисти». В «Переправе через Белую реку» я использовал исторические источники, но в то же время сознательно выходил за их рамки: персонажи и ситуации не противоречат имеющимся свидетельствам, но, поскольку таковые отрывочны и почти не дают представления о внутренней жизни людей того времени, я позволил себе некоторые вольности. Например, я исходил из того, что персонажи, жившие двести пятьдесят лет назад, чей жизненный опыт на первый взгляд радикально отличается от моего собственного, тем не менее могли мыслить, чувствовать и говорить понятным мне образом. Иными словами, я часто предпочитал общечеловеческие моменты культурным и историческим различиям, а художественную живость – педантическому буквалистскому реализму. Кто-то может не согласиться с таким выбором, но мне он кажется оправданным, если вспомнить, во-первых, что одна из основных задач автора исторического романа – заполнить пробелы и вообразить то, что могло произойти, но не зафиксировано в источниках, и, во-вторых, что такой роман неизбежно говорит двумя голосами, одновременно отражая и текущий исторический момент, и изображаемый в нем период.

В заключение позволю себе небольшое наблюдение, касающееся языка и межкультурной коммуникации. Хотя диалоги в романе по традиции переданы полностью на английском языке, читателю не следует думать, что разговор всегда ведется по-английски, даже если в нем участвуют персонажи-британцы. Я предполагаю (основываясь на источниках), что опытные торговцы пушниной, такие как Магнус Нортон и Джон Шоу, десятилетиями работавшие с кри и дене, бегло говорили на языках коренных народов, а также (поскольку это правдоподобно и соответствует моим целям) что человек вроде Тома Хирна, не такой опытный, но образованный, любознательный и имеющий достаточно свободного времени, изучил бы эти языки в объеме, достаточном для общения в случае необходимости.

Часть первая

Форт Принца Уэльского, фактория «Компании Гудзонова залива» на реке Черчилл
Январь 1766 года

Глава 1

Паттерсон-Скупщик одет в засаленные зимние шкуры. Темная шерстяная шапка натянута на самые уши, и из-под ее потрепанного края щурятся близко посаженные глаза, кожа на щеках и лбу испещрена красными пятнами, придавая ему болезненный вид.

Увидев его, стоящего у обшитого досками колодца в центре узкого мощеного дворика, вместе с дикого вида псиной, над которой поднимается пар, Джон Шоу уже по одному только хитрому и вороватому виду понимает, кто перед ним, даже не задавая вопросов. Скупщики – пираты и разбойники, паразитирующие на законной торговле пушниной.

Между ними и «Компанией Гудзонова залива» уже давно идет жестокая вражда, и нечасто среди них находятся наглецы или глупцы, рискующие появиться на фактории без приглашения. Когда Шоу просит его без обиняков изложить свое дело, Паттерсон отвечает, что пришел поговорить с главным фактором, Магнусом Нортоном.

– Я не отниму много драгоценного времени мистера Нортона, – объясняет он спокойно и без тени смущения, словно подобное вторжение для него в порядке вещей. – Но я должен показать ему кое-что особенное. Он точно захочет это увидеть.

– И откуда человеку вроде тебя знать, что мистер Нортон хочет видеть?

Паттерсон пожимает плечами и утирает нос тыльной стороной почерневшей рукавицы.

– Я слышал, Нортон – мужик башковитый. А об этой вещице башковитый мужик точно захочет узнать.

– Мы не ведем никаких дел со Скупщиками, – предупреждает его Шоу.

– Я не о мехах поговорить пришел, – отвечает тот. – Это совсем другое.

– Тогда покажи мне, что принес.

Паттерсон хмурится и качает головой.

– Нет, не могу, – отвечает он. – Только не здесь. Нельзя.

Джон Шоу, заместитель Нортона с незапамятных времен, не славящийся ни обходительностью, ни терпением, поначалу хочет прогнать незваного гостя в ту убогую, засранную дыру, из которой он вылез, наказав не возвращаться под страхом порки. Но что-то в повадках Паттерсона заставляет его сдержаться. Позднее, когда выяснится правда, он будет утверждать, что ему подсказало шестое чувство, что он почуял не то задницей, не то нутром. По обыкновению хвастливо, он будет утверждать, что сразу все понял. Но на самом деле в тот момент он думает лишь о том, что в поведении этого Паттерсона есть что-то необычное, и Магнус захочет это выяснить, прежде чем отправить гостя восвояси.

– Ты знаком с мистером Нортоном? – спрашивает он.

Паттерсон мотает головой.

– Но индейцы, с которыми я торгую, за него ручаются. Говорят, ему можно доверять.

– А за тебя-то кто поручится?

Паттерсон снова улыбается, словно это шутка, понятная лишь им двоим.

– То, что у меня в мешке, само поручится за себя. Вот увидите.

Шоу, смерив его долгим холодным взглядом, соглашается поговорить с Нортоном.

– А пока привяжи пса и иди за мной, – говорит он. – Не стой на дворе, не путайся под ногами и не нарывайся на неприятности.

Они направляются к казарме и проходят по коридору в общую комнату. Шоу указывает на стул с плетеным сиденьем возле очага, и Паттерсон, сев с кряхтеньем, достает трубку и кисет. Врач Эдвард Хатчинс и корабельный плотник Уильям Кьюр уже в комнате, играют в криббедж по полпенса за очко. Паттерсон пытается представиться, но Шоу велит ему молчать, пока не прикажут говорить.

– Ты на земле Компании, – говорит он. – Соблюдай здешние правила.

Паттерсона такое проявление строгости скорее забавляет, чем обижает. Сделав серьезное лицо, он прикладывает указательный палец к губам.

– Ничего не слышу, ничего никому не скажу, – весело шепчет он. – Я вас понял, мистер Шоу, и больше не произнесу ни единого слова, пока не попросят. Это я вам обещаю.

* * *

Магнус Нортон, главный фактор, по собственной оценке и по мнению большинства знающих людей, разбирающийся в торговле пушниной на Гудзоновом заливе больше, чем любая другая живая или мертвая душа, недолюбливает Скупщиков, как и Джон Шоу. А может быть, и меньше, потому что последние десять лет из-за их незаконной торговли он каждый сезон теряет не меньше двух тысяч бобровых шкур. Но он практичнее и сдержаннее своего заместителя и, когда Шоу рассказывает ему о госте, смекает, что у того какое-то важное дело, раз он потрудился проделать столь дальний путь посреди зимы. Он приказывает Шоу накормить Паттерсона похлебкой, если тот голоден, а потом они выслушают все, что Скупщик хочет им рассказать. Когда Шоу уходит, он, промокнув последнюю страницу амбарной книги, встает из-за стола и идет к камину, чтобы согреть руки. Встав поближе к андиронам[1], он окидывает взглядом комнату с медными светильниками, шпалерами и картинами, изображающими собак и лошадей, испытывая, по обыкновению, тихую гордость и удовлетворение своими успехами. Он приехал на побережье залива пятьдесят лет назад без гроша за душой, нищим и невежественным юнцом и сумел достичь высокого положения упорным трудом, непреклонностью и хитростью. Он уже стар, тут ничего не поделаешь. Кожа под одеждой обвисает на костях складками, словно подтаявшее сало свечи, а при виде собственного лица в зеркале он, бывает, задается вопросом: что это за старый болван смотрит на него? Но жажда наживы в нем ничуть не ослабела. Магнус уже богат – другого такого роскошного дома нет на тысячу миль в округе, в этом он совершенно уверен. И все же, как и в голодной юности, он каждый день стремится стать еще богаче.

Проходит четверть часа, в дверь снова стучат, и в дом входит Шоу, а за ним – Паттерсон. Скупщик, вонь от которого проникает в комнату раньше него самого, делает пару шагов вперед, а потом застывает на месте и с разинутым ртом оглядывает комнату. Нортон привык к такому поведению посетителей. Он уже и со счету сбился, сколько раз видел такую реакцию: сначала – оторопь, потом – благоговейный трепет от того, что такое жилище, некоторым кажущееся настоящим дворцом, существует в этой бесплодной глуши. Ему всегда казалось, что это выигрышный ход для начала любой беседы – напомнить собеседнику, с каким человеком тот имеет дело.

– Этот диван привезен из Парижа, – спокойно кивает он. – А ковер, на котором вы стоите, сделан в Константинополе. В Лондоне у меня есть агент, покупающий такие диковины от моего имени. Его зовут мистер Олдертон.

Паттерсон смотрит под ноги на круговорот красно-зеленых узоров, потом поднимает голову и чешет в затылке.

– А я слыхал, что вы человек особенный, – говорит он. – Так говорят.

Нортон, довольный этим замечанием, кивает и немного выжидает, пока убранство и меблировка комнаты произведут должное впечатление, а потом подходит к своему столу и садится в кресло.

– Мистер Шоу сказал, что вы желаете что-то мне показать, – говорит он. – Как вы утверждаете, нечто очень ценное.

– Да, верно.

---

[1] Металлические подставки для поленьев в каминах. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Как видите, я не испытываю недостатка в редких и ценных предметах.

– То, что я хочу показать, не сделано рукой человека, – говорит Скупщик. – Не люблю хвастать, мистер Нортон, но я бы сказал, что оно затмит любые ваши заморские финтифлюшки.

– Эй, повежливее! – прикрикивает Шоу.

Нортон жестом просит его успокоиться и смотрит на Паттерсона с натянутой улыбкой.

– Вижу, храбрости вам не занимать. Почему бы вам не рассказать мне, о чем речь, чтобы я мог сам судить о ценности этой вещи?

Вместо ответа Паттерсон роется в заплечном мешке и достает оттуда сверток, размером и формой напоминающий буханку хлеба, замотанный в мешковину и перевязанный бечевкой. Он протягивает сверток Нортону.

– Я и сам не верил, – говорит он. – Пока не увидел своими зенками.

Нортон принимает сверток и кладет его на стол рядом с амбарной книгой. Достав перочинный нож, он перерезает бечевку и разворачивает ткань. Перед ним оказывается большой камень, темно-серый с белыми разводами.

– Насколько я помню, вы занимаетесь скупкой пушнины, а не добычей камня, – говорит он.

– Это не просто камень, – отвечает Скупщик. – Приглядитесь.

Нортон качает головой и смотрит на Шоу, стоящего у окна. Тот лишь пожимает плечами. Ему приходит в голову, что этот Паттерсон мог слегка повредиться рассудком после долгой зимы в холодном и темном лесу среди индейцев. От такой жизни человек может сойти с ума – это известный факт. Одному богу известно, скольких безумцев ему пришлось отправить под замок за годы работы. Он разворачивает камень полностью и наклоняется поближе. Как он и думал, это угловатый обломок темного гранита с пересекающей его диагональной прожилкой белого кварца. Кажется, ничего особенного. Он уже собирается спросить у Паттерсона, какого черта ему вздумалось притащить этот камень, но, приглядевшись, он замечает, что бледный кварц пронзает пара тонких ветвящихся желтых полосок, напоминающих пару рек на карте. С полминуты он смотрит на эти полоски, не шелохнувшись и не проронив ни единого слова. Потом тянет руку в ящик стола, достает увеличительное стекло и подносит его к глазу. Шоу, наблюдая за ним, понимает: произошло нечто необычное. Все молчат, но тишина вдруг становится тяжелой, словно воздух перед бурей.

– Что там? – спрашивает он.

Нортон подзывает его поближе и вручает увеличительное стекло.

– Вот тут, – он указывает пальцем. – Скажи, что ты видишь.

До того, как приехать на берега залива, Джон Шоу три года проработал на оловянных россыпях Ладока в Корнуолле. Это была изматывающая работа за скудные деньги – целыми днями приходилось толкать тачки с породой по колено в воде. Он бы ушел с этой работы намного раньше, вот только каждый год случались дни, может, раз в два или три месяца, когда, отмывая в чанах черную руду, он замечал крошечную частичку металла, лежавшую в воде среди обломков гранита и шпата. Просто отблеск, блик. Но даже такая крупица золота, какой бы мелкой она ни была, играла на свету и отражала его, как ни один другой металл на этой земле. Шоу наловчился примечать его еще в те времена и до сих пор не утратил это умение, поэтому, когда его подзывает Нортон, ему не нужно даже увеличительное стекло – он сразу, с первого взгляда, чувствует, что это такое, и ощущает глубокий, тихий зов, будоражащий кровь.

– Где ты это нашел? – спрашивает он Паттерсона.

– Мне дал его знакомый индеец-чипевайан.

– А он где нашел?

Паттерсон с ухмылкой кивает, расчесывая пальцами длинную рыжую бороду, потом оглядывает комнату с довольным выражением на рябой физиономии.

– Так и знал, что вы запоете совсем по-другому, когда сами увидите, – говорит он. – Так и знал. Считали меня дураком и бродягой, а теперь выходит, что всю жизнь мечтали о нашей встрече.

– Вы застали нас врасплох, – говорит Нортон. – Не стану отрицать. Мы все слышали байки о золотых россыпях на севере и о людях, которые отправлялись на их поиски и не возвращались…

– Но это ведь не байка и не слух, верно? – перебивает его Паттерсон. – Это оно самое. Чистое и настоящее.

Нортон смотрит на Шоу, потом встает, подходит к буфету и достает бутылку лучшего бренди. Он наполняет три стакана и протягивает один из них Паттерсону, который, понюхав, выпивает стакан залпом.

– Хорошо пошло, – говорит он. – Очень хорошо. Благодарствую.

– Присаживайтесь, – предлагает Нортон. – Прошу вас.

Они приносят еще одно кресло, и Паттерсон садится.

– Там есть еще золото, – говорит он. – Много золота. Так сказал мне тот чипевайан.

– И где все это золото?

Паттерсон тихо посмеивается себе под нос и смотрит на пустой стакан. Нортон передает ему бутылку бренди и смотрит, как он наливает себе еще стакан, выпивает и наливает снова.

– Думаете, я разболтаю вам тайну задаром? – говорит Паттерсон. – Думаете, у меня совсем нет мозгов? Дадите мне сто гиней звонкой монетой и столько бренди и табака, сколько смогу унести – тогда, может быть, и расскажу.

– Если ты знаешь, где золото, то почему не отправишься туда сам? – спрашивает Шоу.

– Потому что это слишком далеко и трудно, чтобы идти туда в одиночку.

– Мог бы найти компаньона.

– Я не работаю с компаньонами. Никогда не работал. Предпочитаю вести дела в одиночку.

– Разумно, – замечает Нортон. – Вы – охотник, а не рудокоп, и, где бы ни находилось золото, добыть его и привезти обратно – задача не из легких. Без поддержки Компании такое дело не провернуть.

– Вот и я так подумал.

– Мы дадим вам бренди и табак, – продолжает Нортон. – Но сто гиней – это слишком много. Откуда нам знать, что место, которое вы нам укажете, существует, а если оно и существует, то мы найдем там намного больше золота.

– Золота там намного больше, в этом можете быть уверены.

– Это вы так говорите. Но почему мы должны вам верить?

Паттерсон пожимает плечами.

– Простое слово честного человека, – отвечает он. – Могу поклясться на Библии, если хотите.

Если у Нортона и есть под рукой Библия, то он к ней не тянется, а вместо этого смотрит на Шоу.

– Что скажете, мистер Шоу?

Они уже сотню раз играли в эту игру в этой самой комнате, и Шоу точно знает, чего от него ждут.

– Скажу, что сотня гиней – это слишком много, – отвечает он. – Во всяком случае, если он сам там не был, а только передает нам слух. Зачем платить такие деньги за обычный слух?

– Обычный слух… – бормочет Нортон. – Об этом я как-то не подумал.

– Это тайна, а не слух, – хмурится Паттерсон. – А тайны стоят денег.

– Одни – да, – возражает Нортон. – А другие – нет.

Переговоры идут всю вторую половину дня. Нортон и Шоу задают вопросы, пытаясь измотать Скупщика, вывести его из терпения и заставить рассказать больше, чем он соби-

рался, но Паттерсон не поддается, стоит на своем, ухмыляется, бранится, время от времени посмеивается себе под нос, заявляя, что они могут сколько угодно играть с ним, но он больше ничего не расскажет, пока не получит столько, сколько просит. В конце концов Нортон решает, что дальнейший торг ничего не даст и что Скупщик хоть полного доверия и не внушает, но, насколько можно судить, не пытается откровенно заговаривать им зубы, поэтому они сходятся на пятидесяти гинеях, бренди, табаке и новой собачьей упряжи и нартах. Собрав в дорогу свою награду и приготовившись к отбытию, Паттерсон сообщает им, что золото найдено на Бычьем озере, что в пяти или шести сотнях миль от фактории, в глубине Бесплодных Земель, в двух днях пути от переправы через Белую реку.

– Все северные индейцы знают, где это, – говорит он. – Можете поспрашивать, и кто-нибудь из них, уверен, согласится вас туда отвести. Но если хотите отыскать и добыть золото, будет неплохо подружиться с племенем эскимосов, которые на лето встают лагерем у северного берега озера.

Позднее тем же вечером, когда Паттерсон уезжает, а все дневные труды остаются позади, Нортон и Шоу встречаются снова и начинают разрабатывать план. В первую очередь они соглашаются, что нужно заручиться помощью Дацанти, самого разумного и сговорчивого из вождей северных индейцев, который послужит проводником. Нортон сделает ему щедрое предложение, и, если он согласится, Шоу возглавит экспедицию, с которой пойдет Абель Уокер, молодой племянник Нортона, последние два года работавший помощником приказчика, который умеет держать язык за зубами и делать только то, что велено. Любопытствующим они скажут, что отправляются на север в Бесплодные Земли на поиски медной руды – правдоподобный, пусть и не совсем обычный предлог, который не вызовет кривотолков среди обитателей форта. Компания тоже останется в полном неведении. Пятьдесят гиней, уплаченные Паттерсону, затеряются среди других расходов, а в дневниках и отчетах фактора не останется никаких упоминаний о его визите. Перед отправлением кузнец должен будет изготовить новое снаряжение: мотыги, молотки, сита и прочие мелочи, а со склада придется взять достаточно мелких меновых товаров, ножей, шил и иголок, чтобы менять по дороге и завоевать доверие эскимосов на Бычьем озере. Все это не составляет труда. Джона Шоу больше беспокоит то, что двух человек может оказаться недостаточно, чтобы копать, дробить и просеивать породу.

– Абель Уокер горит желанием, – говорит он. – Но он – тщедушный паренек. Вдруг он заболеет или произойдет несчастный случай? От индейцев толку тоже не много. Любое дело, кроме охоты, они считают женским.

Нортон понимает, что заместитель прав. В чем смысл идти к сокровищам без возможности добыть их?

– Сколько еще тебе понадобится?

– Надежнее всего – двое, но на худой конец сойдет и один.

– Кого бы мы ни выбрали, это должен быть человек надежный и не болтливый. Нельзя, чтобы наши главные тайны стали известны всем. Никого из служащих отправлять нельзя – они захотят слишком большую долю. Пожалуй, есть Хейкок. Чертовски сильный и верный человек.

– Хейкок бы подошел, только он болван каких мало. Я бы взял человека, у которого в голове хоть на пару унций больше мозгов.

– Но ум может означать и коварство. А нам нужен человек не слишком себе на уме.

Какое-то время они сидят молча, задумавшись над этим сложным противоречием, под вой ледяного ветра, громыхающего запертыми ставнями, и треск и шипение сырых дров в камине.

– Нельзя забывать еще и об эскимосах, – произносит Нортон спустя несколько минут. – Если верить индейцам, это настоящие варвары. Вдруг они откажутся помогать или вовсе выступят против вас?

– Нужно будет их как-то задобрить, – соглашается Шоу.

– Моряки с китобойного шлюпа знают об эскимосах все. Во всяком случае, о тех, что живут у Мраморного острова. Они ведь почти каждое лето торгуют. Возможно, стоит подумать о том, чтобы взять с собой кого-нибудь из них.

– Только не Первиса.

– Разумеется, не Первиса. Нет. Есть еще другой, молчаливый. Как там его?

– Имеешь в виду Тома Хирна, старшего помощника?

– Верно, Том Хирн. Что можешь о нем сказать?

– Человек основательный и непьющий, – отвечает Шоу. – Но держится наособицу, поэтому его недолюбливают. По вечерам обычно сидит, уткнувшись носом в какую-нибудь старую книгу. Ни разу не видел его ни за выпивкой, ни за игрой в карты или криббедж.

– По мне, так это и к лучшему, – замечает Нортон. – Чем меньше друзей, тем меньше возможностей посплетничать, а если ему известно что-нибудь об обычаях эскимосов, то это тоже на пользу. Может быть, стоит позвать его?

– Если позовем, то что мы ему скажем?

– Не правду, разумеется. Во всяком случае, не всю. Но это предоставь мне. Когда он сядет в это кресло, я загляну ему в глаза и пойму, насколько ему можно доверять.

Шоу кивает и наклоняется вперед, вытягивая руки к огню. Свет и тени пляшут по его прищуренным глазам и заросшему щетиной подбородку.

– Мы рискуем, кого бы ни позвали, – говорит он. – Наверное, это неизбежно, но мы с тобой никогда не боялись немного рискнуть в подходящий момент. Верно, Магнус?

Нортон согласно кивает, берет бутылку и наливает им еще по стаканчику бренди.

– Я много лет ждал этого момента, Джон, – говорит он. – Не знал, чего именно я ждал, но теперь знаю. Для меня это последняя часть пути, венец славы, если угодно. Если добудем это золото, я наконец-то смогу спокойно вернуться в Англию.

– Ты поговариваешь о возвращении на родину уже лет десять, – напоминает ему Шоу. – Но все еще никуда не уехал. По мне, так ты пустил корни в этих местах, и сковырнуть тебя можно только ломом.

– Но на этот раз я серьезно. Увидев эти желтые прожилки в камне Скупщика, я понял, что это знак. Подумал: «Вот оно, наконец-то, после стольких лет. Моя долгожданная заслуженная награда».

Шоу, сидящему напротив, кажется, что в глазах Нортона поблескивают слезы. «Укатали старого друга крутые горки, – думает он. – И хватка уже не та. Но в одном он прав: такая удача бывает раз в жизни, и если не схватить ее за хвост и не держаться изо всех сил, куда бы она ни повела, то успеха ты точно не заслуживаешь».

Глава 2

Лед на реке Черчилл держится долго, а это значит, что принадлежащий фактории китобойный шлюп может выходить в море всего семь-восемь месяцев в году. Остальное время капитан и восемь членов экипажа проводят на суше, занимаясь починкой судна, помогая ремесленникам и рабочим в их трудах или, по большей части, сидя возле очага в казарме за курением, выпивкой и игрой в шашки. Большинство из них переносит зимнее безделье безропотно – им нравится возможность поздно вставать, плотно обедать и коротать время за играми, перебранками и периодическими пьянками. Но Том Хирн, первый помощник, не из их числа. Для этого беспокойного по натуре человека ожидание быстро превращается в пытку. Он ищет любую работу, а если не находит, то с головой погружается в чтение. И все равно, прикованный к суше за толстыми стенами фактории без полезного дела, чтобы заполнить дни и занять руки, его мозг обращается внутрь и начинает размышлять над старыми тайнами и нерешенными вопросами. Если не появляется ничего нового, чтобы отвлечься, он становится нервным и беспокойным, склонным к резким вспышкам гнева или долгим приступам мрачности и уныния. Именно в таком раздражительном и меланхоличном расположении духа он пребывает, когда Магнус Нортон приглашает его к себе поговорить с глазу на глаз. Хирн ожидает, что, оказавшись там, получит какое-нибудь незамысловатое поручение или выговор, но вместо этого, предложив кресло и кубок вина, от которого гость отказывается, Нортон начинает расспрашивать его об эскимосах.

– Утром я говорил с капитаном Первисом, – говорит Нортон. – По его словам, когда шлюп уходит на север в Китовую бухту и к Мраморному острову, вы чаще остальных ведете дела с туземцами. Он утверждает, что вы изучили их язык и даже записали слова в книгу. Что-то вроде словаря.

– Это слишком громко сказано.

– Значит, краткий разговорник?

– Если вам будет угодно.

– Если мне будет угодно что?

– Если вам будет угодно так его назвать.

Джон Шоу стоит в сторонке, словно шпион, подсматривая и подслушивая.

– Зачем вы взяли на себя такой труд? – спрашивает Нортон. – С какой целью?

– Чтобы помочь укрепить доверие между нами и ими. При дружественных отношениях торговля обычно идет легче. Наверняка вы и сами это заметили, ведя дела с индейцами.

– Значит, вы делаете это ради пользы Компании? Чтобы увеличить нашу прибыль?

– Ради Компании, да. Но еще и ради собственного развлечения.

Нортон заинтересован.

– Развлечения? – переспрашивает он. – Выходит, вы находите удовольствие в разговорах с туземцами?

– Я нахожу их честными и прямолинейными, чего не могу сказать о некоторых из моих товарищей.

Услышав это, Шоу не удерживается от смешка, а когда Хирн оборачивается, улыбается и подмигивает ему.

– Капитан Первис говорит, что среди экипажа у вас почти нет друзей, – говорит Нортон. – Утверждает, что вы предпочитаете одиночество.

– Пожалуй что, и так. Это считается недостатком?

– Недостатком? Боже упаси! Скорее напротив. Насколько я знаю других моряков, это, скорее, признак редкой разборчивости.

Он смотрит на Шоу и смеется, Шоу в ответ улыбается и кивает. Хирн чувствует, что они над ним подшучивают, и ему это приходится не по нраву.

– На меня были жалобы? – спрашивает он. – Вы меня поэтому позвали?

– Никаких жалоб на вас я не слышал. А вы слышали жалобы, мистер Шоу?

– Ни единой.

– Тогда что вам от меня нужно?

Хирн понимает, что было бы разумнее поумерить тон и дать Нортону объясниться должным образом, но зимняя хандра еще не оставила его, и, сидя среди показной роскоши, он беспокоится, чувствуя себя не в своей тарелке.

– Я сейчас все объясню, – добродушно отвечает Нортон. – Но сначала непременно выпейте бокал этого вина. Если всю зиму пить ром Компании, дурное расположение духа вовсе неудивительно.

Хирн собирается снова отказаться, но Нортон уже наполнил кубок и, наклонившись через стол, протягивает ему.

– Попробуйте, – говорит он. – И скажите мне, что думаете об этом.

Пригубив вино, Хирн ощущает его тепло и богатство вкуса на языке.

– Хорошее?

– Да, – соглашается Хирн. – Очень. Спасибо, сэр.

Нортон откидывается на спинку кресла с таким довольным видом, словно главная цель его жизни – не управление фортом, а счастье Тома Хирна.

– Вы служили на флоте во время недавних войн против Франции. Верно? – спрашивает Нортон.

– Три года. А до того – в торговом флоте. В основном участвовал в торговле на Балтийском море.

– А почему решили перебраться на Гудзонов залив?

– Когда закончилась война, с флота списали сразу половину моряков, и наняться на судно стало трудно. Я повстречал плотника Белью, только что подписавшего контракт, чтобы отправиться в Гудзонов залив, и он уговорил меня.

– Вы довольны жизнью здесь? – спрашивает Шоу. – Или сожалеете о своем выборе?

– Предпочитаю заниматься делом, поэтому зимние месяцы мне не слишком по душе, но, за исключением этого, да, в основном доволен.

– Вы привыкли к жизни на море, среди бескрайнего океана, где вокруг нет ничего, кроме воды и неба, поэтому фактория зимой, должно быть, кажется вам тесной.

– Иногда так и есть.

Нортон многозначительно кивает, словно радуясь тому, что сумел подтвердить давние подозрения.

– Тогда у меня есть для вас необычное предложение, Хирн, – говорит он. – Кое-что, способное поднять вам настроение и вернуть летнюю улыбку.

Хирн делает еще один большой глоток из кубка и чувствует, как тяжесть скуки и раздражения начинает отступать.

– У вас есть для меня поручение? – спрашивает он.

– Верно, поручение. Причем не быстрое и не простое. Если вы на него согласитесь, вы больше не будете знать скуки и нетерпения. Это я вам обещаю.

– То, что я испытываю… Это трудно назвать нетерпением.

– Что бы это ни было, уверяю, если вы согласитесь на мое предложение, у вас не останется ни времени, ни сил тревожиться по этому поводу.

– Мы готовим экспедицию далеко на север, в Бесплодные Земли, и нам нужен еще один человек, – говорит Шоу. – Отправляемся в течение месяца.

– Экспедицию с какой целью?

Шоу вместо ответа смотрит на Нортона. Тот отрывает от стола указательный палец, давая сигнал молчать, и с улыбкой смотрит на Хирна.

– Мы получили сведения о залежах некоего минерала, – произносит Нортон. – Цель экспедиции – подтвердить их существование и по возможности начать их разработку.

– Какого рода залежи?

– Такого рода, который требует строжайшего соблюдения тайны от всех участников, потому что, если известия просочатся за границу, это может серьезно навредить интересам Компании. Прежде чем я расскажу вам подробности, необходимо убедиться, что вам можно доверять.

– Если поручение настолько важное, почему вы выбрали именно меня?

– Потому что вы – честный и работящий человек. Увы, у нас в форте полно сплетников и лодырей, но я вижу, что вы сделаны из другого теста.

– Вы мне льстите.

– Я говорю сущую правду.

– То, что вы умеете разговаривать с эскимосами, тоже очень полезно, – говорит Шоу. – Неподалеку от места, куда мы направляемся, есть поселение туземцев, и, чтобы добиться успеха, нам понадобится завоевать их доверие.

– Так что, как видите, вы обладаете и умениями, и личными качествами, которые нам нужны, – добавляет Нортон. – Но, как я уже говорил, мы хотим убедиться, что можем рассчитывать на ваше молчание, прежде чем сообщить подробности.

Нортон умолкает, но продолжает пристально смотреть на Хирна, словно пытаясь силой мысли заставить его выдать какую-нибудь доселе скрытую слабость. Хирн, угадывая его намерения и чувствуя себя менее скованным под действием вина, смотрит на него в ответ властно и невозмутимо.

– Не люблю сплетничать, но если хотите, чтобы я поклялся молчать, то пожалуйста.

– Достаточно будет, если вы просто дадите нам слово.

– С удовольствием даю.

– Вот и хорошо.

Движения Нортона обретают торжественную плавность. Он открывает ящик стола, достает камень, принесенный Паттерсоном, кладет его на стол и разворачивает мешковину. Потом протягивает Хирну увеличительное стекло и указывает на желтые прожилки.

– Можете посмотреть сами, о чем идет речь, – предлагает он.

Хотя Хирн еще молод, ему лишь недавно минуло тридцать, в жизни ему уже довелось видеть достаточно разочарований, чтобы с осторожностью относиться к любым новым попыткам вызвать у него воодушевление. Поэтому, беря в руки стекло и глядя на камень, он не желает удивляться, но все же невольно удивляется.

Он разглядывает камень, на секунду откидывается на спинку кресла, приоткрыв рот, потом снова наклоняется вперед и начинает изучать камень внимательнее.

– Вы уверены, что он настоящий?

– Уверены.

– Кто принес его?

– Скупщик, получивший его от индейца. Он рассказал, что камень был найден на Бычьем озере в Бесплодных Землях, в двух днях пути к северу от Белой реки.

– А если этот Скупщик соврал?

– Мы долго и подробно расспрашивали его, поэтому не думаем, что он лжет, а учитывая редкость и ценность награды, рассудили, что лучше проявить смелость и попытать счастья, чем колебаться и осторожничать.

– Компания знает?

– Уильям Локи, губернатор в Йорке, уже знает, а правление в Лондоне узнает, когда туда вернется следующий корабль с припасами. Что касается остальных, то вы отправляетесь на север на поиски медной руды. Если правду узнают посторонние, о порядке в форте можно забыть, поэтому лучше придерживаться этой выдумки.

Хирн трет пальцем сверкающие желтые прожилки, с трудом удерживаясь, чтобы не лизнуть их языком.

– Есть в этом какая-то странная красота, – говорит он. – Никогда подобного не видел.

– В самом деле. И, если верить Скупщику, там на севере таких камней много.

Нортон умолкает, давая Хирну возможность осмыслить эту прекрасную новость, потом берет лист бумаги из стопки, лежащей на столе, и протягивает ему.

– Прошу вас прочитать и подписать, – говорит он. – Если вы согласны присоединиться к нам, мы предлагаем твердое вознаграждение в двадцать фунтов сверх обычного годового жалованья. Половина сразу, половина – по возвращении.

Хирн читает контракт и подписывает его. Он понимает, что может попросить и больше, фунтов тридцать или сорок, и Нортон с Шоу, скорее всего, согласятся, ведь они уже открыли ему тайну и отступать поздно. Но решает не испытывать судьбу, потому что в этот момент, в момент принятия решения, думает не столько о добыче, сколько о великом приключении, которым станет ее поиск. Для него сам поиск значит намного больше, чем его объект, ибо, будучи организован тщательно и осмотрительно, при удачном раскладе избавит его от хандры и придаст утомительным зимним дням смысл и интерес, отсутствие которых столь болезненно. Он не уверен, что план Нортона приведет к успеху. Даже если Скупщик сказал правду, во время такого долгого и трудного путешествия могут не заладиться сотни вещей. Но, ждет их успех или нет, это предприятие означает движение хотя бы к какой-то цели, новые надежды и ожидания, а не бессмысленное хождение по кругу на протяжении месяцев по одной и той же наезженной колее.

Хоть сделка для него и не слишком выгодна, выйдя на стылый заснеженный двор после того, как контракт подписан, скреплен печатью и убран в стол, Хирн испытывает то кружащее голову предвкушение, которое посещало его в прежние дни перед каждым новым плаванием, когда корабль отдает концы и поднимает якорь. Это знакомое, но уже почти забытое чувство отрыва от земли, превращение надоевшей определенности в новые возможности далекого и неведомого будущего, захлестывает его, кружась и пенясь, словно зеленые волны могучего прилива.

Глава 3

Дэниел, отец Тома Хирна, был столяром и обойщиком в Халле, уважаемым человеком, достаточно дальновидным и состоятельным, чтобы выучить обоих своих сыновей в старой школе при церкви на Саут-Черч-Сайд рядом с рыночной площадью. С раннего детства все считали, что Том, закончив учебу, пойдет по стопам старшего брата Айзека и станет подмастерьем в мастерской отца, а Дэниел Хирн втайне гордился и радовался, что, когда придет время уйти на покой после долгих трудов, оставит после себя двоих умелых преемников, которые продолжат его дело. Однако, когда Тому исполнилось пятнадцать и пришла пора отложить перо и бумагу и взяться за долото и пилу, он, несмотря на самые искренние старания, так и не стал хорошим работником. Не дурак и не лодырь, он был послушным сыном и изо всех сил старался выполнять каждое поручение как положено, но вскоре стало ясно, что у него от природы нет способностей к столярному делу, и то, что его брат и другие работники, казалось, схватывали на лету, почти по наитию, ему приходилось показывать и объяснять по несколько раз, прежде чем он хотя бы немного начинал понимать.

Примерно в то же время, когда он со смирением осознал пределы своих возможностей как ремесленника, Том Хирн стал все чаще уделять часы, свободные от ежедневного труда, чтению книг и все больше увлекался религией. Каждое воскресенье его семья ходила в церковь Святой Троицы, платила десятину и молилась. Ребенком Том никогда не подвергал этот обычай сомнению, но по мере перехода от юношества к взрослой жизни, начав читать и предаваться глубоким размышлениям, он увидел в Евангелии и послании Христа не приятное дополнение к шумной и благополучной жизни, а скорее призыв отвергнуть все это ради решения более глубоких и насущных проблем души. Во время вечерни, сидя при свете свечей, глядя на бледные крупицы опилок, усыпавшие его ботинки и штаны, чувствуя, как болят мышцы после дневных трудов в мастерской, слушая, как голоса хора взмывают и парят в воздухе, он чувствовал в груди странную смесь страха и радости, как будто мир, дав трещину, открывал ему не то же, что видели другие, а свою истинную сущность. Не раз, становясь на колени для молитвы, он начинал дрожать, и к глазам подступали слезы от внезапно нахлынувших новых переживаний и растущего острого и ясного ощущения вездесущего величия, непознаваемого и неописуемого.

Поначалу эти чувства приводили Хирна в смятение. Он понимал, что чем-то отличается от своих друзей, которые с первых шагов зрелой жизни с готовностью бросались навстречу мирским удовольствиям и тревогам, но не знал, что эти отличия означают и куда могут его привести. Лишь когда молодой викарий Уильям Кэр обратил внимание на его растущую набожность и, проявив к нему интерес, стал вовлекать в разговоры после молитв, а потом одалживать книги и памфлеты, Хирн начал представлять себе, что его жизнь может пойти по совсем иному пути, чем тот, который отец предначертал ему с самого рождения. Но и после этого понадобилось еще полтора года усилий в мастерской, раздрая в голове и ночного самокопания, медленного чтения и долгих дебатов с Уильямом Кэром о природе и обязанностях истинно христианской жизни, прежде чем Том Хирн набрался смелости и уверенности однажды вечером, когда вся семья собралась в гостиной, объяснить родителям, что вместо профессии столяра, к которой они готовили его, хотел бы подготовиться к посвящению в духовный сан. Поначалу отец злился и досадовал, обвинял его в сумасбродстве и неблагодарности, и лишь после долгих упрашиваний и мудрых и нежных слов жены успокоился и понял, что, хоть он и никогда не думал о духовной карьере для своего сына, появление священника в семье могло бы стать поводом для гордости и даже принесло бы ему известность в городе.

В конце концов, после долгих задушевных разговоров и переговоров, включая переписку с епископом и бывшими наставниками Уильяма Кэра в Оксфорде, в семье решили, что для

подготовки к ставленническому экзамену Том отправится на три года в Йорк, где будет жить и учиться у преподобного Мэтью Тейлора, слывшего не только корифеем богословия, но и добросовестным и усердным священником. Там, под руководством Мэтью Тейлора, вера Тома Хирна стала еще более истовой. Чем больше юноша читал и понимал Священное Писание и историю Церкви во всех ее многочисленных формах, тем больше в нем крепла уверенность, что он выбрал правильный путь и никакая сила в мире не сможет увести его с этого пути. Яркие неземные ощущения, которые он впервые испытал во время вечерней службы в церкви Святой Троицы, сменились более умеренным, но постоянным ощущением благодати и блаженства, и нередко, занимаясь повседневными делами, будь то помощь в церкви, посещение прихожан или учеба в уединенной комнате на чердаке, Том Хирн ощущал текущую сквозь него любовь Господню, чистую и нежную, словно лучи утреннего солнца, проникающие сквозь яркие стекла витражей.

Хирн прожил в доме Мэтью Тейлора уже почти два года и стал почти что членом его семьи, знакомым всем прихожанам церкви Святого Катберта, когда произошли события, поколебавшие, а потом и вовсе разрушившие веру, которую он уже начинал считать великой и несокрушимой. Однажды утром из дома пришло письмо с известием, что его мать и младшая сестра Эстер, которой было всего девять лет, внезапно слегли с лихорадкой и врачи не уверены в их выздоровлении. В тревоге он поспешил на ближайшем дилижансе в Халл, но, прибыв к дому на Блэкфрайаргейт, узнал, что опоздал. Вид их тел, лежавших рядом на невысоких кроватях, словно две надгробные статуи, с ввалившимися глазами и серыми губами, неподвижные и безжизненные, ужаснул его. Почти столь же ужасен был и вид его отца. Обычно крепкий и энергичный, он обмяк в кресле, закрыв лицо руками, и со вздохами и стонами жаловался на жестокость судьбы. Позднее в тот же день брат отвел Тома в сторону и рассказал, что произошло – как быстро и безжалостно налетела болезнь и как врачи, несмотря на все усилия, оказались беспомощны.

– Не понимаю, Том, – сказал Айзек. – Что-то здесь не так. Зачем Господу забирать их так внезапно?

В смятении Хирн не мог ничего сказать, но, снова взглянув на брата, понял по выражению лица и по жалобному и умоляющему взгляду, что вопрос в самом деле его волнует и что Айзек жаждет получить от него ответ.

Весь остаток времени в тот свой приезд, в период до похорон и в долгие дни после, когда друзья и родные в траурных одеждах навещали дом и боль утраты то отступала, то снова накатывала по мере того, как они забывали о своем горе, вспоминали снова и вновь то забывали, то вспоминали, словно ходя в оцепенении по кругу, Том Хирн старался, как умел, играть ту роль, которой ждали от него брат и отец. Он покинул дом, порвав с семейной традицией, и посвятил себя духовной жизни, поэтому теперь, в час беды, несмотря на молодость, они видели в нем естественного утешителя. В моменты, когда горе и смятение становились невыносимыми, именно к нему они обращались за ободрением и мудростью. Преподобный Хорсфилд, пастор церкви Святой Троицы, советовал им не терять веры и не впадать в отчаяние, но его слова, пусть и сказанные из лучших побуждений, оставались всего лишь словами. В то же время Том, как ему не раз говорили, был живым свидетельством того, что даже среди несчастий такая вера возможна.

Хирну было всего двадцать, он еще не принял духовный сан, и нести на своих плечах свалившийся на него груз было нелегко. Но он взял его на себя с готовностью, даже с гордостью, и лишь позднее, вернувшись в Йорк и попытавшись снова вести привычную жизнь в трудах, молитве и учебе, он осознал, что, играя роль, притворялся намного более уверенным, чем был на самом деле, и, пользуясь верой всего лишь как инструментом, настолько истощил ее запас, что уже не мог обрести в ней то утешение, которое давал отцу и брату. Вернувшись в комнату на чердаке, снова открывая книги и читая строки, которые прежде казались такими

дорогими, трогательными и бесконечно мудрыми, он, к собственному смятению, видел в них лишь хрупкие построения, призванные скрыть ужасные истины о человеческих страданиях и смерти.

В то же время, когда его вера начала постепенно слабеть и рушиться, пришла новая волна скорби по матери и сестре, намного более сильная, грозя захлестнуть его с головой. Мысль о том, что их невинные жизни растворились во тьме, ошеломила и испугала его, и он не мог найти оправдания ничтожности и бессмысленности такой судьбы. По мере того, как оба этих чувства – сомнения и скорбь – складывались вместе и усиливались, он совсем упал духом и начал погружаться в меланхолию. Столкнувшись с явным и грубым фактом смерти и не имея возможности укрыться за непроницаемым щитом веры, он не видел в собственной жизни ни ценности, ни смысла. Простые радости и удовольствия больше не трогали его, и, хотя Том и продолжал исполнять обычные обязанности, навещая больных и работая с детьми в воскресной школе, все чаще он ощущал себя самозванцем и шарлатаном. Вместо того, чтобы по вечерам ложиться спать или читать книги, он часами бесцельно бродил по городу или лежал в постели, разглядывая тени на потолке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.